

Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы

А.Д. Тихонова*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
GutnikAD@bez.mos.ru

Н.В. Дворянчиков**,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
dvorian@gmail.com

А. Эрнст-Винтила***,
Университет Париж-Нантерр, Школа социальных наук и администрирования,
Парижский центр исследований по социальной психологии EA 4386, Париж, Франция,
a.ernst.vintila@gmail.com

И.Б. Бовина****,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
innabovina@yandex.ru

Основная цель настоящей статьи заключается в рассмотрении потенциала социально-психологического знания для анализа процесса радикализации в подростково-молодежной среде. Подчеркивается, что жизнь в современном обществе сопряжена с целым рядом изменений, происходящих одновременно на различных уровнях, и неопределенность является неотъемлемой характеристикой современного мира. Экстремизм и радикализация рассматриваются как реакция на неопределенность, способ ее преодоления. Вслед за определением, данным М. Кингом и Д. Тейлором, предлагается понимать под процессом радикализации трансформацию, в ходе которой индивид принимает легитимность терроризма. В работе предпринимается анализ моделей радикализации, представленных в англоязычной литературе. Обсуждается важность идентичности как объясни-

Для цитаты:

Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Винтила А., Бовина И.Б. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 32–40. doi:10.17759/chp.2017130305

For citation:

Tikhonova A.D., Dvoryanchikov N.V., Ernst-Vintila A., Bovina I.B. Radicalisation of Adolescents and Youth: In Search of Explanations. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2017. Vol. 13, no. 3, pp. 32–40. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2017130305

* Тихонова Анастасия Дмитриевна, аспирантка кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: GutnikAD@bez.mos.ru

** Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: dvorian@gmail.com

*** Эрнст-Винтила Андреа, доктор психологических наук, доцент, Университет Париж-Нантерр, Школа социальных наук и администрирования, Парижский центр исследований по социальной психологии EA 4386, Париж, Франция. E-mail: a.ernst.vintila@gmail.com

**** Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: innabovina@yandex.ru

Tikhonova Anastasia Dmitrievna, PhD Student, Chair of Criminal Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia. E-mail: GutnikAD@bez.mos.ru

Dvoryanchikov Nikolay Viktorovich, PhD in Psychology, Dean, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia. E-mail: dvorian@gmail.com

Ernst-Vintila Andreea, PhD in Psychology, Associate Professor, University of Paris-Nanterre, School of Social Sciences and Administration EA 4386, Paris, France. E-mail: a.ernst.vintila@gmail.com

Bovina Inna Borisovna, PhD in Psychology, Professor, Chair of Criminal Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia. E-mail: innabovina@yandex.ru

тельного конструкта изменений, происходящих с радикализирующимся индивидом. Формулируются вопросы для дальнейшего изучения процесса радикализации в связи с радикализацией в подростково-молодежной среде.

Ключевые слова: подростково-молодежная среда, радикализация, влияние, пропаганда, экстремизм, терроризм.

Radicalisation of Adolescents and Youth: In Search of Explanations

A.D. Tikhonova,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
GutnikAD@bez.mos.ru

N.V. Dvoryanchikov,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
dvorian@gmail.com

A. Ernst-Vintila,

University Of Paris-Nanterre, School of social Sciences and administration EA 4386, Paris, France,
a.ernst.vintila@gmail.com

I.B. Bovina,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
immabovina@yandex.ru

The main purpose of the presented article is to reveal the potential of social psychological knowledge for the analysis of radicalisation of young people. In the introduction, the features of socialisation in the modern world are discussed. Special attention is drawn to the role of the Internet in the socialisation of adolescents and young people. It is noted that the dominance of audiovisual information contributes to the reduction of reflexivity and promotes the so-called clip thinking, which has become an integral characteristic of adolescents and young people. It is emphasized that life in the modern society is associated with a number of changes taking place simultaneously at different levels, and uncertainty has become its important feature. Extremism and radicalisation are considered as a reaction to uncertainty, a way to overcome it. The main part of the article is devoted to the analysis of models of radicalization describes in various works. Finally, perspectives of further investigation into the subject are outlined.

Keywords: socialisation, adolescents and young people, radicalisation, influence, propaganda, extremism, terrorism.

Феномен радикализации — одна из сложнейших проблем современного общества. Этот комплексный и многоуровневый процесс требует разработки междисциплинарной линии анализа, которая объединила бы усилия представителей различных областей научного знания, будь то психология, социология, политология, история или религиоведение. Перед исследователями открылась бы возможность сформулировать стратегию дерадикализации, ибо современные рекомендации и попытки противостоять радикализации далеки от того, чтобы быть эффективными [23].

Жизнь в современном обществе сопряжена с целым рядом изменений, происходящих одновременно на различных уровнях. С одной стороны, можно говорить о глобализации политических процессов, экономическом кризисе, геополитических изменениях,

демографических проблемах, притоке иммигрантов. С другой — о возрастающей роли средств массовой коммуникации в жизни общества, о возникновении и широком распространении Интернета и информационно-коммуникационных технологий, которые заметно трансформировали жизнь человека.

Последствием широкого развития технологий оказывается трансформация, которая, как отмечают А.Ш. Тхостов и К.Г. Сурнов [6], самым серьезным образом сказывается на всем процессе культурно-исторического развития.

Едва ли могут быть сомнения в том, что новые технологии открывают перед индивидом богатые возможности общения. Сам процесс виртуального общения выглядит как более простой, чем в реальной ситуации; у сторон имеется возможность сохранять анонимность (со всеми вытекающими психологиче-

скими последствиями и особенностями взаимодействия, обусловленными этой анонимностью), модифицировать или сконструировать идентичность, прервать или прекратить общение в любой момент [1; 2; 3; 6]. Однако такая форма отношений не сможет заменить ту *единственную роскошь*, которой располагает человек — общение (которое происходит в реальном, а не в виртуальном мире), не сможет удовлетворить те потребности, которые удовлетворяются в непосредственном межличностном общении.

Если продолжать эту линию аргументации, то можно сделать заключение, сходное с тем, что делают А.Ш. Тхостов с коллегами, относительно современного мира и стратегий поведения в нем [1; 2; 3; 6]. Действительно, мир становится непредсказуемым, непонятным, пугающим, и в этой связи тот факт, что люди примыкают к экстремистским группировкам, представляется возможным рассматривать как способ обретения идентичности в этом мире, где прежние основания для категоризации не срабатывают, ибо, как утверждают А.Ш. Тхостов и К.Г. Сурнов, массовая культура разрушает устойчивые основания для идентификации, порождая вакуум, который индивиду необходимо заполнить [6].

Обсудив в общих чертах специфику социализации в современном мире и обозначив психологические последствия информационной революции, обратимся теперь к анализу процесса радикализации как реакции на изменчивость и неопределенность этого современного мира.

Заметим, что научный интерес к феномену радикализации значительно возрос в последние годы. Эта тема оказалась в фокусе пристального внимания исследователей в рамках общей конференции Европейской ассоциации по социальной психологии, прошедшей в Гранаде в июле 2017 года. Объяснительным конструктом, связанным с процессом радикализации, явилась идентичность.

Анализ, предпринятый В.Берте (на основе публикаций в базе Web of Science), свидетельствует о 114 публикациях за период с 1950—1999 гг. и о 894 — за период с 2000 по 2017 гг. [7]. Безусловно, эта констатация должна быть так или иначе сопряжена со статистикой террористических актов, преимущественно — в странах Запада, ибо исследовательский интерес серьезно возрос следом за террористическими актами, произошедшими в США, Великобритании, Франции, Бельгии. Исследователи обратили особое внимание на процессы радикализации, происходящие в самих этих странах, а не только на Ближнем Востоке.

М. Кинг и Д. Тейлор утверждают, что процесс радикализации описывает те психологические трансформации, происходящие с человеком, в результате которых он принимает легитимность терроризма [20]. М. Силбер и А. Батт, определяя процесс радикализации, говорят об изменениях системы убеждений, что в свою очередь приводит к террористическому акту [12]. На примере изучения процессов радикализации в исламской подростково-молодежной среде Б. Досж с коллегами предлагают говорить о четырех

компонентах радикализации, связанных с формированием радикальной системы убеждений [12]: 1) воспринимаемая нелегитимность власти; 2) воспринимаемое ингрупповое превосходство, все остальные группы воспринимаются как худшие, нижестоящие, не заслуживающие доверия; 3) воспринимаемая дистанция по отношению к другим людям, к тем, кто отличается по своему стилю жизни или убеждениям; 4) воспринимаемая социетальная разобщенность, чувство отчуждения. Период отчуждения ведет к перерождению, обретению *истинной веры*. Эти составляющие через общую установку к насилию влияют на готовность к актам насилия. По аналогии с идеей, сформулированной Р. Баумейстером с коллегами, относительно связи нарциссизма и агрессии, Б. Досж с коллегами полагают, что в контексте радикализации насилие является следствием угрозы в отношении *эго* группы [12]. К детерминантам системы радикальных убеждений авторы относят следующие: личную неопределенность, воспринимаемую несправедливость, воспринимаемую межгрупповую угрозу, а также ингрупповую идентификацию и индивидуальную и групповую формы относительной депривации. Личная неопределенность связывается с переживаниями нестабильности взглядов на самого себя и окружающий мир [12]. Эта неопределенность затрагивает аспекты идентичности субъекта, его места в мире, порождает некомфортные состояния. Как и было уже показано в работах М. Хогга [16; 17], неопределенность делает людей уязвимыми к принятию радикальных идей или вступлению в экстремистские группировки. М. Хогг объясняет это тем, что радикальные идеи или экстремистские группировки дают индивиду, пребывающим в состоянии неопределенности, прямые и определенные ответы на вопросы, которые их тревожат, индивиды получают нормы и правила поведения, что снижает неопределенность.

В литературе обсуждается тот факт, что одно только наличие радикальной системы убеждений не ведет с неизбежностью к совершению террористического акта, как верно и обратное, что совершение террористических действий не указывает на то, что субъект является носителем радикальной системы убеждений [8].

М. Гелфанд с коллегами проанализировали то, как культуроспецифические факторы связаны с терроризмом [15]. Выделив основные конструкты (1 — высокий/низкий фатализм, 2 — наличие/отсутствие жестких социальных норм в сочетании с наличием/отсутствием строгого наказания за отклонение от этих норм, 3 — индивидуализм/коллективизм, 4 — высокий/низкий гендерный эгалитаризм, 5 — высокая/низкая дистанцированность от власти) и приняв анализ терактов, имевших место с 1970 по 2007 г., исследователи пришли к заключению, что в культурах, где присутствуют высокий фатализм в сочетании с жесткими социальными нормами и нетолерантностью по отношению к тем, кто их нарушает, низкий гендерный эгалитаризм, существует потенциал для совершения терроризма в противоположность культурам, которые характеризуются обрат-

ными полюсами конструкторов. Коллективизм скорее выполняет роль модератора, но не имеет прямого отношения к терроризму.

И хотя в работах, которые попали в фокус нашего анализа, речь идет о трансформациях происходящих в странах Запада, тем не менее, обсуждение имеющегося исследовательского опыта представляется любопытным с точки зрения изучения процесса радикализации, тех механизмов, по которым происходят изменения, ведущие человека к принятию идеологии терроризма и вовлечению в соответствующую активность.

В социальных науках накопился солидный запас концептуального знания, которое дает объяснение явлению радикализации, однако требуется эмпирическая верификация этих предположений. Ее же предпринять, по понятным причинам, гораздо сложнее. Методологические проблемы изучения процесса радикализации уже обсуждались в литературе [24], но они остаются *головоломкой* для дальнейшего анализа.

Процесс радикализации не представляется возможным объяснить, обращаясь только к индивидуальному или социальному уровням анализа. Природа процесса радикализации такова, что требует социально-психологического знания для объяснения трансформаций, происходящих с человеком. Социально-психологическое знание являет собой достаточно богатый потенциал анализа процесса радикализации, ибо этот процесс затрагивает пласт убеждений, опирается на групповые конструкты. В этой связи, плодотворным видится обращение к таким ключевым идеям, как социальное влияние; стратегии убеждения; феномен лидерства, власти и подчинения; социальное исключение; межгрупповые отношения и социальная идентичность; готовность участвовать в коллективных акциях и др [5;14;16;17;18; 25]. Если говорить о террористических организациях, то очевидно, что знание, накопленное в рамках организационной психологии, может быть плодотворным источником для поиска объяснительных схем функционирования таких групп. Оговоримся, что речь в этом случае будет идти об определенных типах организации. Можно заметить, что социально-психологические схемы позволяют говорить как о способе воздействия на радикализирующегося индивида, так и о трансформации его системы убеждений, аттитюдов, а также о групповых и межгрупповых аспектах.

Анализ литературы позволяет говорить о двух основных линиях изучения радикализации: с одной стороны, изучаются факторы, которые влияют на этот процесс, с другой — содержание процесса радикализации. Факторы, влияющие на радикализацию, могут группироваться на макро- и микро-уровнях [13; 21]. Если политические и экономические составляющие попадают в первую группу факторов, то психологические и социально-демографические - во вторую.

На заре исследований терроризма в 1960-х гг. ключевым объяснительным конструктором была психологическая личность тех, кто совершает акты насилия [15]. Попытки выделить психологический профиль террориста не увенчались успехом, ре-

зультаты исследований не дают оснований для того, чтобы говорить о психопатологических механизмах радикализации, а также о различиях между радикализированными субъектами и представителями «нормальной» популяции в плане социально-эмоционального функционирования [8; 12; 15; 20]. В настоящее время среди исследователей имеет место консенсус относительно того, что объяснительными конструкторами феномена радикализации оказываются психологические переменные, используемые для «нормальной» популяции [12]. Среди различных отраслей психологического знания социальная психология обладает наибольшим потенциалом для объяснения процессов радикализации, возможностями для выявления того, что запускает психологические трансформации, ведущие к принятию насилия как легитимного акта и совершению террористических действий, а также того, в чем суть механизмов, лежащих в основе этой трансформации.

Несколько поэтапных моделей радикализации, которые описывают то, как происходит трансформация мировоззрения, а затем как человек формирует готовность или вовлекается в радикальные действия, представлены в литературе [8; 9; 13; 20; 21]. Модели касаются преимущественно выходцев из иммигрантских семей (во втором и в третьем поколениях), рожденных в странах Запада. В то же самое время, радикализация немусульманского населения, насколько позволяют судить статистические данные, полученные в различных странах, невысока [8].

Кроме того, в литературе практически не встречаются работы, описывающие процесс радикализации среди подростков. Исследование Б. Досжа с коллегами [12], проведенное среди мусульманских подростков и молодежи в Голландии (возраст испытуемых варьировал от 12 до 21 года) и направленное на изучение факторов, влияющих на процесс радикализации, едва ли принимает во внимание возрастную специфику, особенности социализации в современном мире. Скорее исследователи выстраивают некоторые параллели и предположения, ставя равенство между подростками и взрослыми людьми.

Итак, обратимся к рассмотрению поэтапных моделей радикализации. На основе анализа ряда экстремистских группировок с разнообразной идеологией Р. Борем сформулировал модель, состоящую из четырех стадий, посредством которых происходит радикализация [8; 9; 20]. Это своего рода прототипическая психологическая траектория, которая позволяет индивиду принять идеологию, оправдывающую террористические акты. Изначальная стадия — недовольство, индивид оценивает свои условия как нежелательные. На следующей стадии он сравнивает свои условия с условиями других и приходит к выводу о неравенстве, несправедливости ситуации, в которой он находится. На третьей стадии ключевым конструктором является обвинение других. Определенной группе приписывается вина в несправедливости и в неравенстве. На заключительной стадии происходит стереотипизация и демонизация врага, что делает легитимным насилие в отношении врага, который

виновен в воспринимаемой несправедливости. Подчеркнем, что в этой модели значительное внимание уделяется анализу трансформаций социально-перцептивных процессов, которые играют важную роль в межгрупповых отношениях [9; 20].

К. Викторович выстроил свою модель на основе этнографического анализа группировки, базирующейся в Великобритании и проповедующей исламскую революцию во всем мире [20]. В его варианте четыре стадии описывают то, как человек вступает в экстремистскую группировку. Стартовой точкой является некоторое *прозрение*, которое возникает в результате кризиса, переживаемого индивидом, связанного с реальными событиями, или в результате ситуации, трактуемой как кризис, причем здесь важную роль играет общение с представителями исламистской экстремистской группировки. Индивид становится восприимчивым к идеям, которые до этого игнорировал. Далее происходит направление внимания к религии (*поиск религии*) как способу обретения смыслов. На следующей стадии происходит *выстраивание* некоторой *рамки*, через призму которой радикализирующийся индивид смотрит на мир, опять же здесь помощником в этом процессе выступает член экстремистской организации, проповедующий исламистские взгляды. По сути, на этой стадии происходит формирование убеждений и отношения к экстремистской группировке. На финальной стадии, согласно этой модели, происходит *социализация и присоединение* к группе, идеология и групповая идентичность поддерживаются за счет общения с членами экстремистской группировки (от интернет-коммуникаций до личного общения), а также за счет дистанцирования от прежнего окружения. На этой стадии групповая идеология интернализируется радикализирующимся индивидом [20].

Основополагающая идея модели, предложенной Ф. Мохаддамом, заключается в том, что радикализация — это поступательный процесс, проходящий через шесть стадий; неслучайно в качестве метафоры в модели используется идея ступеней. На каждой из шести ступеней выделяются специфические факторы, которые влияют на процесс радикализации. Каждая ступень приближает индивида к терроризму как легитимной акции. Стартовой точкой является чувство депривации, которое испытывает человек, причем вовсе не обязательно существуют объективные предпосылки для этого, ключевым здесь являются перцептивные процессы, интерпретация ситуации как таковой, переживания человека. Эта стадия обозначается как психологическая интерпретация реальных условий. Действительно, значительная часть населения в разных странах мира проживает в затруднительных социально-экономических условиях, но объективные условия не означают *автоматической* радикализации [20; 21]. Те индивиды, которые интерпретируют ситуацию в межгрупповом контексте и переживают относительную депривацию, с большей вероятностью передвинутся на следующую ступень по сравнению с теми индивидами, которые этого не делают. На следующей ступени находятся те, кто

считает, что они подвергаются несправедливому обращению. На этой стадии воспринимаемых возможностей борьбы с несправедливостью существуют два фактора, которые определяют то, как радикализирующиеся индивиды действуют в отношении своего низкого группового статуса. Эти факторы — социальная мобильность и процедурная справедливость. При существовании возможности социальной мобильности и процедурной справедливости у индивида открывается возможность повысить социальный статус, возможность участвовать в принятии решения. В противном случае индивиды с большей вероятностью сделают еще один шаг по пути радикализации. Совершив его, они обвиняют аутгруппу в депривации своей группы. Как отмечает Ф. Мохаддам, на этой стадии характерно преобладание мышления по принципу «мы»—«они», индивиды готовы примкнуть к движениям, проповедующим салафистские идеи [21]. В этом контексте индивиды высказывают готовность к физической агрессии в отношении воспринимаемого врага, именно эти индивиды переходят на следующую стадию, где они разделяют моральную готовность к борьбе за *идеальное* общество всеми возможными средствами. Индивиды, которые оказались на данной стадии, готовы к совершению актов насилия в отношении гражданского населения. Террористические организации вовлекают новых членов в свои ряды, предлагая им *правильную* интерпретацию ислама. Жизнь новых членов организации постепенно трансформируется, они вовлекаются в секретную активность, которая предполагает изоляцию от прежнего окружения, они как бы ведут «двойную жизнь», посвятив себя изменению мира любыми способами.

На следующей стадии индивиды входят в мир террористической организации. Для индивидов характерно категориальное мышление, использование принципа «мы»—«они» в его крайних проявлениях, опора на идею деления мира, исходя из идеи «добра» и «зла».

Изначально это небольшие ячейки из четырех—пяти человек, именно из этих индивидов готовят террористов-смертников [21]. То, что происходит на этой стадии, вполне описывается процессами вхождения нового члена в группу. Однако, как полагает Ф. Мохаддам, подчинение и лояльность достаточно сильно выражены в террористической организации, а неподчинение и нелояльность, соответственно, подвергаются крайнему наказанию [21]. Эти же механизмы продолжают быть ключевыми с точки зрения регуляции поведения членов организации и на следующей стадии. Среди других важных психологических процессов, которые действуют на этой стадии в соответствии с моделью Ф. Мохаддама, опять же — социальная категоризация и психологическая дистанция. Посредством процессов социальной категоризации гражданское население позиционируется как часть аутгруппы, как враг, на которого направлены террористические атаки, а дистанцирование позволяет усилить разницу между ин- и аутгруппой. Все это позволяет убивать других людей, видимо, отказывая им в принадлежности к категории «люди».

Б. Досж с коллегами [13] предлагают модель радикализации (и дерадикализации), рассматривая радикализацию как феномен, развивающийся под воздействием факторов различного уровня и реализующийся посредством трех стадий: 1) сенсбилизация по отношению к радикальной идеологии; 2) вступление в радикальную группировку; 3) готовность совершать действия, созвучные идеологии этой группы. Согласно этой модели, три типа факторов — микро-, мезо- и макро-уровня — являются ключевыми для процесса радикализации. Микрофакторы действуют на первой стадии, они связаны с неопределенностью, с поиском индивидом собственной значимости. Мезофакторы действуют на второй стадии, когда индивид становится членом группы с радикальными убеждениями. Среди факторов, на которые указывают авторы модели, — семейное окружение. Наконец, макрофакторы действуют на третьей стадии, когда индивид готов совершить действия во имя группы. Факторы, которые воздействуют на этой стадии, касаются процессов, описанных нами во введении, тех изменений, которые происходят в современном мире, в частности, процессов глобализации, а также экономического, политического и культурального доминирования Запада [13]. В этой модели можно усмотреть созвучие идеям Ф. Мохаддама.

М. Силбер и А. Батт выстроили модель радикализации, опираясь на анализ пяти случаев радикализации в США и Западной Европе [20]. Траектория радикализации включает четыре этапа: пре-радикализация, самоидентификация, индоктринация, джихадизация. Первая стадия характеризует ситуацию индивидов до того, как они начнут радикализироваться. Авторы подчеркивают, что хотя не существует психологического профиля людей, становящихся на путь радикализации, тем не менее можно очертить некоторые социально-демографические особенности этих индивидов: это молодые мужчины, мусульмане, принадлежат среднему классу, представители общества, где доминируют мужчины. Зачастую они являют собой второе или третье поколение иммигрантов, недавно принявших ислам, не имеющих криминального прошлого.

На следующей стадии для поиска ответа на вопросы, спровоцированные личностным кризисом, индивиды обращают свои взоры к исламу. Как отмечают М. Силбер и А. Батт, стартовая точка поисков может быть связана как с экономической ситуацией, связанной с потерей работы, так и с психологическими процессами, будь то дискриминация или кризис идентичности. В момент этого кризиса индивиды меняют свои воззрения, обращаются к радикальным трактовкам ислама, которые доступны в материалах, представленных в Интернете. С нашей точки зрения, эта трансформация, по сути, та же самая, о которой говорит М. Хогг с коллегами в рамках теории неопределенности как объяснительной схемы процесса радикализации [16 ; 17]. На этой стадии формируется идентичность, а индивиды, обретая ее, ищут сторон-

ников, вместе с которыми они становятся еще более религиозными и радикальными.

На третьей стадии происходит индоктринация, когда индивиды принимают салафитское мировоззрение, происходит политизация религиозных воззрений. Находящиеся на этой стадии субъекты участвуют в закрытых собраниях радикального толка, организованных вне мест религиозного культа.

На четвертой стадии индивиды объявляют себя бойцами, вовлеченными в борьбу за поддержание ислама; среди предпринимаемых действий — как обучение в военных лагерях за границей, так и участие в деятельности радикальных групп на территории своей страны.

Наконец, последняя модель, предложенная М. Сейжменом, основывается на идее о том, что процесс радикализации — это результат взаимодействия четырех факторов. Первый фактор касается переживаний негодования, гнева (в качестве примера приводится реакция на вторжение в Ирак) [20]. Второй фактор — призма, используемая для интерпретации мира. Согласно позиции, которую продвигают представители экстремистских организаций, страны Запада ведут войну против ислама, индивиды, вступающие на путь радикализации, принимают эту позицию. По сути, здесь также идет речь о приписывании вины аутгруппе, о социальной категоризации, которая обозначает представителей аутгруппы как врагов. Третий фактор касается личного опыта в связи с дискриминацией или социально-экономическими трудностями (например, безработица). Эти три фактора могут усиливать друг друга. Четвертый фактор М. Сейжман обозначает как ситуативный — это мобилизация посредством коммуникативных сетей. Радикализирующиеся индивиды таким образом валидируют свои идеи, интерпретируют события. Интернет в этом случае оказывается средством, фасилитирующим общение между радикализирующимися индивидами.

Хотя авторы моделей не всегда уделяют особое внимание коммуникативным процессам (непосредственным или опосредствованным современными технологиями), однако очевидно, что продвижение от стадии к следующей не является результатом размышлений, которые индивид осуществляет самостоятельно, неотъемлемой составляющей является взаимодействие с другими, вовлечение в той или иной степени в коммуникативный процесс. В этой связи Интернет в целом, а также социальные медиа оказываются средством распространения информации, убеждения, воздействия на радикализирующихся индивидов, мобилизации к террористическим действиям. Вовлечение в группировки радикального, экстремистского толка сопровождается взаимодействием с членами этих групп, с соответствующим коммуникативным процессом, с обращением к информации (точнее было бы сказать — пропаганде, в случае террористической организации), распространяемой этой группой.

С исследовательской точки зрения любопытно рассмотреть то, какова суть пропаганды, способ-

ствующей радикализации, какова специфика коммуникативных процессов, обеспечивающих психологическую трансформацию индивидов. Анализ литературы позволяет говорить о том, что исследователями предпринимались попытки проанализировать специфику системы пропаганды в террористических организациях. Так, в работе С. Коэна с коллегами [10] излагаются результаты психолингвистического анализа речей лидеров Аль-Каиды. Используя комбинированный способ анализа текстов (компьютерный и ручной), авторы выделяют 19 основных идеологических составляющих речей. Часть этих категорий касается экстремизации врага (например, «враг — крайне гомогенен», «враг — крайне мощный/многочисленный», «враг — крайне негативный (примитивный, кровожадный, мстительный и пр.), «враг должен быть побежден»). Другая часть описывает экстремизацию ингруппы (или жертвы этого врага): «мы — совершенно едины», «мы должны придерживаться доктрины», «мы совершенно невинны/добры/добродетельны», «невероятное количество наших страдает от врага», «насилие — единственный способ разгромить врага/улучшить нашу ситуацию» и пр.). Авторы выявили идеологические различия по этим ключевым составляющим в зависимости от региона и лидера. Очевидна важность и значимость полученных результатов с точки зрения анализа пропаганды, распространяемой террористическими организациями, однако это только одна часть воздействия. Как мы говорили во введении, специфика современного мира заключается в первостепенной роли социальных сетей, которая становится неизменной составляющей повседневной жизни, в доминировании образов над текстами. И пропаганда террористических организаций использует эту стратегию. В этой связи понимание пропаганды предполагает анализ изображений и видеоматериалов, которые активно используются для воздействия, причем стратегия анализа должна позволять выявлять некоторые основополагающие категории этих материалов.

Подводя итоги, скажем, что, процесс радикализации — многоуровневый, сложный, едва ли имеющий единую схему, которая объясняла бы то, как человек принимает радикальные идеи и переходит к террористической активности, а иногда прекращает саму деятельность, не отказываясь при этом от самих идей [8].

Трудность изучения явления радикализации заключается в том, что, с одной стороны, большинство тех, кто разделяет радикальную идеологию, не совершают террористических актов, с другой стороны, определенная часть индивидов, которые совершают террористические действия, не разделяют радикальных идей [9]; кроме того, анализ литературы позволяет говорить о том, что пути радикализации варьируют в зависимости от времени и контекста, к тому же имеет место определенная специфика, связанная с культурой [15]. Тем не менее, представляется возможным говорить о некоторой константе, которая сохраняется, несмотря на контекст и время, ибо процесс

радикализации касается вступления в группу, о формировании идентичности, о разделении групповых норм, о регуляции поведения убеждениями, связанными с этой группой. Рассмотрение поэтапных моделей позволяет поставить в центр внимания идентичность как объяснительный конструкт этого процесса. Действительно, так или иначе все они нацелены на изучение того, как происходит поиск идентичности теми, кто воспринимает этот мир как неопределенный и пугающий, кто ощущает себя *непризнанными* или *непринятыми* обществом, кто отдает предпочтение группам с определенными правилами, прямыми и определенными ответами на вопросы, которые тревожат этих индивидов, присоединение к группам позволяет им снизить неопределенность и получить свое признание со стороны группы. С нашей точки зрения, групповые и межгрупповые процессы являются здесь теми механизмами, которые запускают трансформации радикализации и способствуют продвижению индивида со стадии на другую.

На настоящий момент существует значительное количество концептуальных работ, объясняющих процесс радикализации, однако необходима эмпирическая проверка этих схем, хотя бы путем апелляции к другому контексту, как это было предпринято в работе М. Хогга [16], а также уточнение того, как происходит процесс радикализации в подростково-молодежной среде. Беглого взгляда на возраст участников террористической группировки, планировавших и готовивших ряд терактов (актов насилия, которых удалось предотвратить спецслужбам) осенью 2016 года во Франции, а также на возраст участников последних терактов в Испании (август 2017 года), достаточно для того, чтобы озадачиться уточнением объяснительных моделей радикализации в подростковой среде.

Наконец, насколько позволяет судить анализ литературы, не существует работ, в которых предпринимался бы систематический анализ стратегий пропаганды, используемых террористическими группировками [11]. Если в прошлом стратегия влияния была такова, что в центр внимания ставилась фигура идеологического лидера, то стратегия влияния, активно используемая современной террористической группировкой, ставит в фокус внимания фигуру бойца, делая ее привлекательной, предлагая основание для категоризации в неопределенном мире, принадлежность к сплоченной группе. Выше мы говорили о попытках проанализировать речи идеологических лидеров [10], с нашей точки зрения, в центре внимания исследователей должно оказаться изучение образов, которые активно используются для привлечения представителей подростково-молодежной среды, ибо в современном мире власть текстов сменилась властью образов [4; 19]. Тем более, что инструмент для анализа уже разработан [22]. Обращение внимания исследователей к этой составляющей процесса радикализации видится перспективным в связи с последующей разработкой программ по дерадикализации, адресованных подросткам и молодежи.

Литература

1. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Технология и идентичность: трансформация процессов идентификации под влиянием технического прогресса // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9 (17). С. 33.
2. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 15–24.
3. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Соблазны и ловушки темпоральной идентичности // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 115–125.
4. Марциновская Т.Д. Искусство в современном мире – новые формы и новые старые механизмы воздействия // Культурно-историческая психология. 2007. № 2. С. 56–61.
5. Смирнова Н.С., Дворянчиков Н.В. Исследование манипулятивных стратегий воздействия, реализуемых тоталитарными сектами посредством сети Интернет [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. № 2. С. 17. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Smirnova_Dvoryanchikov.phtml (дата обращения: 18.08.2017).
6. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 16–24.
7. Berthet V. Radicalisation et djihadisme: où en est la recherche en sciences sociales. URL: <http://vincentberthet.com/radicalisation-djihadisme-recherche-sciences-sociales> (дата обращения: 18.09.2017).
8. Borum R. Radicalization and Involvement in Violent Extremism I: A Review of Definitions and Applications of Social Science Theories // Journal of Strategic Security. 2011. № 4. P. 7–36.
9. Borum R. Radicalization and Involvement in Violent Extremism II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research // Journal of Strategic Security. 2011. № 4. P. 37–62.
10. Cohen S.J., Kruglanski A., Gelfand M.J., Webber D., Gunaratna R. Al-Qaeda's propaganda decoded: A psycholinguistic system for detecting variations in terrorism ideology // Terrorism and Political Violence. 2016. P. 1–30. doi: 10.1080/09546553.2016.1165214
11. Conesa P., Huyghe F.B., Chouraqui M. La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux. FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris. 2016.
12. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. № 3. P. 586–604.
13. Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., de Wolf A., Mann L., Feddes A.R. Terrorism, radicalization, and de-radicalization // Current Opinion in Psychology. 2016. № 11. P. 79–84.
14. Ernst-Vintila A., Klar Y. Is there a social psychology of historic grievances and intergroup conflict in the age of «radicalization»? // Paper presented at the EASP small group meeting in honor of Serge Moscovici, 17–18 November, 2016
15. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. № 3. P. 495–517.
16. Hogg M., Adelman J. Uncertainty-Identity Theory: Extreme Groups, Radical Behavior, and Authoritarian

References

1. Emelin V.A., Rasskazova E.I., Thostov A.Sh. Tehnologija i identichnost': transformacija processov identifikacii pod vlijaniem tehničeskogo progressa [Technology and identity: transformation processes of identification under the influence of technical progress]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (jelektronnyj nauchnyj zhurnal)* [Modern research of social problems (electronic scientific journal)], 2012, no. 9 (17), p. 33.
2. Emelin V.A., Thostov A.Sh. Deformacija hronotopa v uslovijah sociokul'turnogo uskorenija [Deformation of the chronotope in terms of social and cultural acceleration]. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 2015, no. 2, pp. 15–24.
3. Emelin V.A., Thostov A.Sh. Soblazny i lovushki temporal'noj identichnosti [The temptations and traps of temporal identity]. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 2016, no. 8, pp. 115–125.
4. Martsinkovskaya T.D. Iskusstvo v sovremennom mire – novye formy i novye starye mekhanizmy vozdeistviya [Art in the modern world – new forms of old and new mechanisms of action]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2007, no. 2, pp. 56–61.
5. Smirnova N.S., Dvoryanchikov N.V. Manipulative influence strategy used by totalitarian sect members on the Internet [Elektronnyi resurs]. *Psikhologija i pravo* [Psychology and Law], 2015, no. 2, pp. 17. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Smirnova_Dvoryanchikov.phtml (Accessed 18.08.2017).
6. Tkhostov A.Sh., Surnov K.G. Vliyanie sovremennykh tekhnologii na razvitielichnosti i formirovanie patologicheskikh form adaptatsii: obratnaya storona [The impact of modern technologies on the development of personality and the formation of pathological forms of adaptation: back side]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2005, no. 6, pp. 16–24.
7. Berthet V. Radicalisation et djihadisme: où en est la recherche en sciences sociales. URL: <http://vincentberthet.com/radicalisation-djihadisme-recherche-sciences-sociales> (дата обращения: 18.09.2017).
8. Borum R. Radicalization and Involvement in Violent Extremism I: A Review of Definitions and Applications of Social Science Theories. *Journal of Strategic Security*, 2011, no. 4, pp. 7–36.
9. Borum R. Radicalization and Involvement in Violent Extremism II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research. *Journal of Strategic Security*, 2011, no. 4, pp. 37–62.
10. Cohen S.J., Kruglanski A., Gelfand M.J., Webber D., Gunaratna R. Al-Qaeda's propaganda decoded: A psycholinguistic system for detecting variations in terrorism ideology. *Terrorism and Political Violence*, 2016, pp. 1–30. doi: 10.1080/09546553.2016.1165214.
11. Conesa P., Huyghe F.B., Chouraqui M. La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux. FMSH. Observatoire des radicalisations. Paris. 2016.
12. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 586–604.
13. Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., de Wolf A., Mann L., Feddes A. R. Terrorism, radicalization, and de-radicalization. *Current Opinion in Psychology*, 2016, no. 11, pp. 79–84.
14. Ernst-Vintila A., Klar Y. Is there a social psychology of historic grievances and intergroup conflict in the age of

- Leadership // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. № 3. P. 436–454.
17. Hogg M., Kruglanski A., K. Van den Bos. Uncertainty and the Roots of Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. № 3. P. 407–418.
18. Influencing violent extremist organizations pilot effort: focus on Al-Qaeda in the Arabian Peninsula (AQAP). A. Chapman & J. Adelman (eds.). Strategic Multi-Layer Assessment (SMA) Office Department of Defense, Office of the Secretary of Defense (OSD), 2011.
19. Kalmus V. Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In: D. Macedo & S. R. Steinberg (eds.), *Media Literacy: A Reader*. New York: Peter Lang, 2007. P. 157–165.
20. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // *Terrorism and Political Violence*. 2011. № 4. P. 602–622.
21. Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // *American Psychologist*. 2005. № 60. P. 161–169.
22. Moliner P. Les représentations sociales et les images. In: In G. Lo Monaco, S. Delouvé, P. Rateau, (eds.). *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications*. Bruxelles: De Boeck, 2016. P. 419–430.
23. Moliner P. Radicalisation, déradicalisation... Que savons-nous au juste? // The conversation. 2.06.2017 URL: <https://theconversation.com/radicalisation-deradicalisation-que-savons-nous-au-juste-78495> (дата обращения: 18.09.2017).
24. Neumann P., Kleinmann S. How Rigorous Is Radicalization Research // *Democracy and Security*. 2013. № 9. P. 360–382.
25. Simon B., Klandermans B. Politicized collective identity: a social psychological analysis // *American psychologist*. 2011. № 56. P. 319–331.
- «radicalization»? Paper presented at the EASP small group meeting in honor of Serge Moscovici, 17–18 November, 2016.
15. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 495–517.
16. Hogg M., Adelman J. Uncertainty-Identity Theory: Extreme Groups, Radical Behavior, and Authoritarian Leadership. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 436–454.
17. Hogg M., Kruglanski A., K. Van den Bos. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013. Vol. 69, no. 3, pp. 407–418.
18. Influencing violent extremist organizations pilot effort: focus on Al-Qaeda in the Arabian Peninsula (AQAP). A. Chapman & J. Adelman (eds.). Strategic Multi-Layer Assessment (SMA) Office Department of Defense, Office of the Secretary of Defense (OSD), 2011.
19. Kalmus V. Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In Macedo D. (eds.), *Media Literacy: A Reader*. New York: Peter Lang, 2007, pp. 157–165.
20. King M., Taylor D.M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011, no. 4, pp. 602–622.
21. Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration. *American Psychologist*, 2005, no. 60, pp. 161–169.
22. Moliner P. Les représentations sociales et les images. In: In G. Lo Monaco, S. Delouvé, P. Rateau, (eds.). *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications*. Bruxelles: De Boeck, 2016. P. 419–430.
23. Moliner P. Radicalisation, déradicalisation... Que savons-nous au juste? The conversation. 2.06.2017. URL: <https://theconversation.com/radicalisation-deradicalisation-que-savons-nous-au-juste-78495> (Accessed: 18.09.2017).
24. Neumann P., Kleinmann S. How Rigorous Is Radicalization Research. *Democracy and Security*, 2013, no. 9, pp. 360–382.
25. Simon B., Klandermans B. Politicized collective identity: a social psychological analysis. *American psychologist*, 2011, no. 56, pp. 319–331.